

КАК ПОМОЧЬ ЛЮДЯМ НЕ СОВЕРШИТЬ ОШИБКИ

Фрагменты семинара по биоэтике, прошедшего на вечернем отделении Свято-Филаретовского института

Вопросы биоэтики, остро актуальные в современном мире, являются не только вызовами сегодняшнего дня для самих христиан. Они неизбежно связаны со всяким диалогом и христианским свидетельством. Не только для членов церкви, но и для всех людей важно знать, каково христианское отношение, например, к проблемам экстракорпорального оплодотворения (ЭКО), эвтаназии, трансплантации органов. Не менее часто возникают вопросы о том, нужно ли смертельно больному человеку сообщать его диагноз и как это сделать, можно ли прерывать беременность в ситуациях угрозы для жизни матери или если она наступила в результате изнасилования и т.п.

8 июня в Свято-Филаретовском институте состоялся семинар по биоэтике, завершающий курс лекций, прочитанных студентам бакалавриата преподавателем СФИ, биологом Г.Л. Муравник. Вел семинар ректор института, профессор-священник Георгий Кочетков. В работе семинара приняли участие кандидаты мед. наук О.Б. Полякова и О.А. Ермолаев. Мы публикуем фрагменты состоявшегося обсуждения, полный текст которого будет издан отдельной брошюрой.

Проф.-свящ. Георгий Кочетков: Вы прекрасно понимаете, что биоэтика — вещь, в общем-то, практическая. И практична она настолько, насколько практична любая этика. Если она не имеет выхода на реальную, конкретную жизнь, то это этика плохая.

В наше время все вопросы биоэтики чрезвычайно обострились. Не случайно они выделились не только в отдельный предмет, но и в отдельную группу. И я думаю, что есть перспектива расширения этих проблем. Если мы имеем то, что стало обычным сейчас, то я представляю, что будет лет через двадцать.

Я предлагаю сегодня обсудить те проблемы, которые вас волнуют.

Вопрос: Создание человека в пробирке, экстракорпоральное оплодотворение — является ли это продолжением творения, как возможности клетки совершать заложенное Творцом, или следствием грехопадения, как возможности человеку реализовать свою волю, как вкушения плода с древа познания? Возможно ли христианину реализовать желание иметь ребенка таким образом, допустимо ли это с точки зрения православной этики?

Проф.-свящ. Георгий Кочетков: Любая этика говорит о границах. Но внутри границ есть некоторый спектр возможностей. Нам просто важно знать, где границы этого спектра.

Мы, наверное, никогда не разгадаем, как зарождается жизнь. И мы не можем прямо и непосредственно говорить, что «клетка несет благодать Святого Духа». Благодать может в мире содержаться — как это бывает в нашем сердце по нашей вере — непосредственно, а может опосредованно. И здесь, я думаю, тот случай, когда некое благословение Божье если и почивает на таком воплощении принципа жизни, то опосредованно. Всегда будьте осторожнее с терминологией в этических вопросах. Когда вы что-то говорите, будьте очень внимательны. Если вы (пусть даже случайно) чуть-чуть неверно поставите вопрос, то есть очень большой шанс ошибиться в ответе.

Медицина позволяет осуществить за-

Витязь. В.М. Васнецов. 1882

чатие в пробирке, при благоприятных обстоятельствах это можно сделать так, чтобы зародыш не погиб. Но где границы дозволенного? Позволительно ли вообще об этом думать? Как вы знаете, мнения христиан расходятся. Одни говорят — да, никаких проблем, другие говорят — нет, потому что это не очень естественно. Пробирка — это не утроба матери. Однозначного ответа здесь нет и, наверное, не будет. Для того, чтобы окончательно решить эту проблему, надо дать точное определение человеческого естества. На сегодняшний день никто этого сделать не может.

Где границы естества, что такое естество человеческое? Человек — существо особое, он может вести себя или естественно, или выше естественного, но он не должен себя вести ниже естественно. Помните, как говорится в богослужебных книгах? «Пал ниже естества». Вот это выражение, помню, меня в молодости поразило необыкновенно. Я никогда такого выражения не слышал и не мог себе представить, как можно пасть ниже естества. Это то же самое, что провалиться под землю. Тем не менее, святые отцы употребляли это выражение и очень, очень серьезно к этому относились.

И исходя из этого нам с вами надо рассуждать очень осторожно. Я бы начал от обратного: с того, о чем можно точно сказать — так делать нельзя. И потом рассуждать, как бы сужая, утесняя эти границы в соответствии с требованиями совести и христианскими этическими требованиями вообще. Прежде всего, если мы осуждаем с вами прелюбодеяние и любодеяние, то уже ясно, что никаким образом не позволительно брать донора. Про это можно сразу сказать, что это даже не то что прелюбодеяние, а это хуже прелюбодеяния. Мало того, что от чужого человека начинать, да еще из пробирки.

Ко мне не однажды подходили сестры и просили благословения на экстракорпоральное оплодотворение, зачатие, от мужа. Здесь трудно сказать однозначное «нельзя», но и дать благословение, я считаю, невозможно. Почему? Потому что здесь речь идет о компромиссе. Однако невозможно не признать, что могут быть обстоятельства, когда эта мера компромисса все-таки может быть покрыта Господом Богом. Это бывает видно по людям — и по духу, и по плодам. Поэтому мы благословение не даем, отстраняемся. А человек творит свою волю. Или Господь творит волю Свою...

Вопрос: Если твой близкий родной человек, который умирает, не знает об этой своей ближайшей перспективе, или ты встречаешься с человеком, который не является твоим близким, но ты видишь, что он умирает — как в таких случаях поступать? Например, у человека неизлечимая стадия онкологии, а он и не подозревает об этом. У меня так мама умерла. Нужно ли человеку говорить об этом и если нужно, то как говорить? И как говорить с неверующими и с верующими, ведь это большая разница?

Проф.-свящ. Георгий Кочетков: Мне приходилось не однажды бывать в таких ситуациях как священнику, когда меня приглашали причащать людей на дом и заранее предупредили, что человек умирающий, и ему осталось, может быть, несколько дней жизни, а, может быть, несколько часов, но он об этом не знает. Родные хотят об этом сказать, но не знают, как это сделать. Мне много пришлось об этом думать и размышлять, и я скажу то, к чему пришел на сегодняшний день.

Я считаю, что верующему человеку говорить об этой опасности надо обязательно. Верующий человек все-таки понимает, что жизнью телесной на земле все для него не заканчивается. И если он действительно жил по вере, то может жить и в надежде на жизнь вечную. Другое дело, что, конечно, говорить надо все равно в очень тактичной форме, ведь убить словом можно любого — и верующего, и неверующего.

Еще один важный вопрос — кто должен говорить и как. Я считаю, что здесь должны быть этические ограничения, во всяком случае, настоятельная рекомендация: дети не должны это говорить родителям, независимо от возраста (я думаю, вы понимаете, почему). Нежелательно, чтобы младшие говорили это старшим. Конечно, всегда могут быть безвыходные ситуации, тогда вопросов нет. Но лучше, чтобы говорили, скажем, родители детям, или если такой возможности нет, то чтобы сказал священник. Меня часто просили сказать, т.к. чувствовали невозможность сказать об этом своим близким. И мне пришлось об этом людям говорить. И я пришел к выводу, что это работает положительно только в случаях с верующими людьми, у которых есть надежда. Если скажешь такому человеку, что ему осталось жить несколько дней, то что он сделает? Он постарается урегулировать отношения, примириться со всеми, постарается причаститься, проститься с

родными и близкими. Все будет просто, естественно, без отчаяния, потому что смерть хоть и последний враг Богу, но не полный тупик. И смерть будет побеждена. Но это знает только верующий, на то он и верующий. Этим он и отличается от неверующего. Человек же неверующий чем позже узнает, что его земная жизнь кончается, тем лучше, потому что его неверие убивает его само по себе. А когда к этому прибавится знание о близкой кончине, никогда не знаешь, что человек с собой может сделать. Он может в приступе отчаяния сразу с собой покончить. И тогда вместо добра ты принесешь человеку зло.

Мы всегда должны исходить из принципа — не навреди, всегда исходить из принципа помощи человеку, в каких бы отчаянных и крайних обстоятельствах он ни находился. Но для этого, конечно, нужна любовь. Если ты не любишь этого человека, ты ему никогда не скажешь так, как надо, ты ему никогда не поможешь. Это касается не только вопросов жизни и смерти, но и других серьезных вопросов. Поэтому все только в этом. Мы можем жить так, чтобы быть носителями любви к Богу и ближнему всегда, потому что мы в любой момент можем оказаться перед лицом человека, скажем, умирающего. И если в нас не будет этой любви, то мы не сможем ему помочь.

А иногда нужно еще с человеком поговорить, что называется, исповедать. А иногда нужно его даже крестить. Одна наша сестра попала в такую ситуацию у себя на даче. Священника не дозвонился, а на соседней даче умирал человек. Она пошла проводить и практически ей пришлось выслушать и исповедь человека, и крестить его. Она пришла ко мне в ужасе — что я сделала? Я говорю: да ничего плохого ты не сделала. Как ты крестила? Она рассказала. Я говорю, правильно все сделала. Так и надо было делать. А если бы выжил человек, то потом надо было бы пригласить священника, который бы миропомазал и причастил. Вот таким вещам надо людям учить. Но это всегда вопрос к нам: как мы живем? Потому что если мы лишаем себя благодати, то мы очень рискуем и вредим себе или другим. Так что вопрос этот очень важный и действительно реальный, т.к. все мы люди смертные и часто бывает так, что мы не замечаем, что смерть приблизилась — нам все кажется, что это временное недомогание. И это касается не только онкологии.

Вопрос: В книжке С.С. Аванесова «Вольная смерть» автор говорит, что эвтаназия и самоубийство — близкие вещи (имеется в виду активная эвтаназия). Он анализировал разные мотивации для самоубийства и показал в своей докторской работе, что человек видит для себя возможность самоубийства только когда у него вполне монистическое, как он говорит, мировоззрение, когда бытие ограничивается для него вот этим конкретным бытием. И тут у него возникло четкое понимание, что если человек видит какую-то перспективу, это одно, а для кого-то все кончится здесь. И возникает вопрос о насилии и ответственности. Если человек хочет уйти из жизни и не дать ему это сделать можно только одним способом — поговорив, изменить его мировоззрение, если человек настаивает на этом своем

Окончание на с. 2

Состоялась защита выпускных работ слушателей Богословско-педагогических (катехизаторских) курсов во имя священномученика Фаддея Тверского

19 июня в Нарышкинских палатах Высоко-Петровского монастыря состоялась защита выпускных квалификационных работ слушателей Богословско-педагогических (катехизаторских) курсов во имя священномученика Фаддея, архиепископа Тверского, при Синодальном отделе религиозного образования и катехизации.

Директор курсов — иерей Игорь Киреев, руководитель сектора церковно-приходского образования отдела.

Работу экзаменационной комиссии возглавил председатель отдела епископ Зарайский Меркурий. Обращаясь к слушателям, владыка отметил, что знания и навыки, полученные на курсах, необходимо применять в приходской жизни, которая крайне нуждается в специалистах-катехизаторах. Епископ Меркурий также сказал, что направлять на обучение на курсы должны настоятели храмов. Каждый приход должен развивать-

ся в направлении усиления катехизаторской деятельности.

Владыка призвал Божие благословение на руководителей, педагогов, слушателей и выпускников курсов.

Патриархия.ru

Патриарх Александрийский Феодор II посетил приходы православных масаев в Кении

Патриарх Александрийский Феодор II посетил Кению, где находится пять православных приходов масаев — полукочевых народа.

Масаи обращаются в Православие в течение последних 30 лет под воздействием проповеди местного митрополита Макария, которому Патриарх Феодор II выразил свою благодарность.

Митрополит Макарий организовал перевод Литургии и других богослужений на язык этого народа. Он также основал школу и больницу, назначил стипендии способным ученикам. Несколько молодых масаев учатся в Патриаршей церковной школе имени митрополита Макария Кипрского в столице Кении Найроби и собираются посвятить свою жизнь Церкви.

Патриарх Феодор II во время своего визита в Кению вручил дипломы выпуск-

никам церковной школы, а также устроил раздачу продуктов, одежды и детских игрушек. Предстоятель Александрийской Православной Церкви призвал православных масаев соблюдать традиции и обычаи своего народа.

Масаи — это полукочевой народ, живущий в саванне на юге Кении и на севере Танзании. Их общая численность — около 900 тыс. человек. Из них в Кении живут 350-450 тыс. человек. Масаи почти полностью сохранили традиционный уклад жизни.

Седмица.ru

В Швейцарии к четырем годам тюрьмы приговорен психиатр, который «помог» уйти из жизни больному пенсионеру

ЛОЗАННА. Швейцарский суд приговорил психиатра Петера Б. к четырем годам тюрьмы за то, что он в апреле 2001 года при посещении на дому больного «помог» пенсионеру, страдающему депрессией и неврозом навязчивых состояний, добровольно уйти из жизни. Об этом сообщает Германское агентство католических новостей со ссылкой на швейцарские СМИ.

Смерть больного была записана врачом на видео.

Ранее психиатр неоднократно выступал в СМИ, рассказывая о том, что «желание человеком смерти себе является одним из признаков его психического заболевания».

Судебный приговор врачу-психиатру — один из первых случаев в Швейцарии, когда правосудие решило наказать тех, кто оказывает содействие больным в их добровольном уходе из жизни.

Анатолий Холодюк — специально для Седмицы.Ru

Экс-глава Минздрава РФ Юрий Шевченко стал священником

Он был рукоположен месяц назад и по выходным служит в храме Святителя Николая при Национальном медико-хирургическом центре имени Н.И. Пирогова.

Экс-министр экстерном закончил семинарию, где учился два года.

Один из лучших кардиохирургов страны Юрий Леонидович Шевченко был назначен министром здравоохранения России указом президента России 5 июля 1999 года.

В бытность Юрия Шевченко министром между Русской православной церковью и министерством были заключены соглашения о сотрудничестве, официально открывшие священникам дорогу в больницы для окормления верующих.

КАК ПОМОЧЬ ЛЮДЯМ НЕ СОВЕРШИТЬ ОШИБКИ

Окончание. Начало на с.1

«Быть или не быть». Лоуренс Оливье в роли Гамлета. Кадр из фильма «Гамлет» (1948, реж. Л. Оливье)

мировоззрению настойчиво, то запретить это сделать означает переход границы насилем. Т.е. запретить ему категорически нельзя, можно только попытаться убедить его изменить свое мировоззрение. Мой вопрос: где границы насилия и где границы ответственности за человека?

Проф.-свящ. Георгий Кочетков: Ответственность за человека всегда есть, и здесь границы нет. А вот с усилием и насилем действительно все сложно. И сказать, где здесь границы, довольно сложно, потому что человек бывает неадекватен, бывает, что человек сам себя не очень хорошо понимает, или ситуацию не понимает, а бывает, что он подвержен или минутной слабости, или унынию, депрессии и т.д. Причем известно из психологии, что если у человека длительная болезнь, то он обязательно проходит через эту стадию. Но она в определенный момент начинается, а потом кончается. Если человек верующий, то он примиряется с волей Божьей и с самим собой. Но ведь человек, находящийся в унынии, в глубокой деп-

рессии, может пожелать себе смерти. Это всем понятно. И нельзя удовлетворять это желание. Потому что человек может выйти из этого состояния и в нормальном случае именно так и произойдет.

Дело в том, что в таких ситуациях усилие и насилие всегда относительны. И меру почувствовать может только совесть человека, только его сердце. Насколько глубоко и полно это сердце чувствует, настолько правильно оно и примет решение. Потому что формальных признаков здесь нет. Когда ты хватаешь и отводишь ребенка, собирающегося засунуть в розетку пальчики — что это, усилие или насилие? Насилие, конечно. Но если мы начнем причитать — ах, насилие над ребенком! — нам всякий нормальный человек скажет: «Да, вы что, с ума сошли, что ли?» Потому что хотя все внешние признаки насилия есть, но понятно, что кроме этого у ребенка, которому, может быть, и не понравится, что его схватили за руку, или что его шлепнули, есть определенное доверие к тому человеку, который это сделал — к родителям, старшим братьям или сестрам.

На вере и доверии держится в жизни необыкновенно многое. Сам подрыв доверия, независимо от аргументации, — уже грех и грех тяжелый. Поэтому Господь говорит: тому, кто соблазнит единого от малых сих, лучше самому погибнуть.

Г.Л. Муравник: Но ведь сторонники активной эвтаназии в качестве аргументов в свою пользу часто говорят: если мы проявляем милосердие к животным и делаем эвтаназию неизлечимо больных животных, то почему мы в таком же милосердии отказываем человеку, который терпит невыносимые страдания? Они ссылаются и на то, что в исламе и иудаизме есть такое понятие, как замена большего зла на меньшее. И считается, что бессмысленное страдание, которое терпит человек — это такое большое зло, что смерть через эвтаназию является по отношению к нему злом меньшим. Поэтому можно большее зло заменить на меньшее.

Проф.-свящ. Георгий Кочетков: Надо выбирать из двух зол меньшее. Но мы с

вами всегда говорим: если попал в ситуацию выбора из двух зол, помни, что это ситуация сама по себе безблагодатная, потому что ты вынужден выбирать зло. Да, если уж ты в нее попал, то выбирай меньшее зло, но лучше в нее не попадать. Опыт показывает, что всегда есть и другие возможности в жизни человека. Не надо в такие ситуации попадать. А от чего это зависит, это вопрос очень сложный. Почему-то одни попадают в такие ситуации, а другие никогда не попадают, и это совершенно не случайно.

Не надо попадать в ситуацию выбора из двух зол. Нужно попадать в ситуацию выбора между добром и злом, или между злом и любовью, благом, истинной свободой, светом и т.д. Это три разных ситуации. Да, и в Ветхом завете, и в христианской истории, и даже в житиях святых есть немного затемненные, но все же описания ситуации эвтаназии. Это нигде не выпячивается, нигде не подчеркивается, но тем не менее это есть. Бывает, что на поле брани, особенно в военных ситуациях, прекращение жизни со стороны другого человека и со стороны самого человека, т.е. суицид, по сути дела, оказывается благом и воспринимается однозначно как благо. Более того, так всегда было, потому что люди не могут бесконечно смотреть на страдания другого человека. Вообще на самом деле эти вопросы внутри традиции не очень просветлены. На них раньше никто не обращал внимания, это воспринималось как само собой разумеющаяся вещь. Но в связи с биоэтическими спорами теперь приходится обращать внимание на то, что написано об этом в житиях, а что в Писании. В конце концов, Церковь настаивает на добровольности Христовых страданий и добровольности смерти. Это, естественно, не эвтаназия, но, тем не менее, это вещи каким-то образом связанные.

Что значит — «добровольные страдания»? Что означает добровольная смерть? Если человек на поле битвы закрыл амбразуру собой, это эвтаназия или нет? Он прекрасно знал, что идет на смерть.

Г.Л. Муравник: Нет, это «жизнь положить за други своя».

Проф.-свящ. Георгий Кочетков: Вот именно, об этом и речь. Христос полагает жизнь за други своя. Герои то же самое делают. И сказано: «нет больше той любви ...» А где грань? Вы можете разве очертить и точно сказать в своей жизни, где грань между таким положением и эвтаназией?

Вы видите, что проблем много. Мне кажется, что какие-то основные вещи как принципы, как внутренние основания мы с вами сегодня затронули. В любом случае, я думаю, нам надо помнить, что это вопросы очень тонкие и очень ответственные. Они часто касаются жизни человека. Не принципа — ценность она или не ценность, это не рассматривается. А того, как осуществить в реальной жизни этот принцип ценности человеческой жизни. Людям приходится брать на себя ответственность, решать очень сложные вопросы, в том числе компромиссные, если они выпадают на ситуацию выбора из двух зол. И как я сегодня говорил вам, такие ситуации безблагодатны, поэтому они в любом случае компромиссны. Но если уж попадаешь в такую ситуацию, ни в коем случае нельзя отказываться от выбора. Нужно выбирать, выбирая меньшее зло. Хотя нужно молиться о том, чтобы никогда не попадать в такие ситуации. Мы с вами должны хорошо понимать, что возможно не попадать в ситуацию выбора из двух зол, живя еще на земле.

Каждый раз, когда вы встречаетесь с биоэтическими проблемами, начиная с аборт и разводов, помогайте людям не сделать ошибки, помогайте им найти волю Божию и исполнить ее, как бы иногда трудно ни было, особенно в ситуации выбора из двух зол. Ни в коем случае не переходите меры. Помните, что это ни в коем случае не механический принцип. «А ну, выберем меньшее зло, и прекрасно». Зло есть зло, даже меньшее. Помните о том, что терять эту меру нельзя никогда, иначе, гоняясь за лучшим, можно обрести худшее. Не спешите никогда допускать в жизни компромиссы — не только прямые грехи и зло, но даже компромиссы. Испытайте волю Божью, накапливайте опыт и по мере возможности делитесь этим опытом с другими людьми!